

Аглая Топорова Украина трех революций

PDF предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18169777

*Аглая Топорова. Украина трех революций: Очерки: Лимбус Пресс; СПб; 2016
ISBN 978-5-8370-0720-0*

Аннотация

Журналист и социолог Аглая Топорова, заместитель главного редактора газеты «Коммерсантъ – Украина», прожила в Киеве с 1999 по 2014 год. Общественно-политическую жизнь Украины этих лет она знает не понаслышке. Будучи киевским жителем, она оставалась гражданкой России – это придает ее взгляду на новейшую политическую историю Украины уникальность: это взгляд изнутри и в то же самое время – взгляд постороннего.

Эта книга – беспристрастный отчет, местами страшный, а местами гомерически смешной, о том, что волновало украинское общество, как менялась публичная политика Украины и какие идеи владели умами ее жителей. В конечном счете – о том, как на протяжении многих лет вызревал Майдан.

Содержание

Революция достоинства	5
Майдан, как это происходило	5
Первая неделя. Майдан обретает структуру	9
Конец Евромайдана	16
Избиение младенцев	18
Йолка против Януковича	20
1 декабря	22
События на Банковой	24
2–3 декабря	26
Суды по Банковой	28
Дмитрий Киселев – герой Украины	29
8 декабря	31
11 декабря – ночь великого перелома	33
Антимайдан и «титушки»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аглая Топорова
Украина трех революций: Очерки

© ООО «Издательство К. Тублина», 2016

Революция достоинства

Майдан, как это происходило

21 ноября 2013 года я не пошла на работу в «Коммерсантъ-Украина» – болела. Но, разумеется, следила за всеми новостями. В середине дня буквально как гром среди ясного неба появилось сообщение: премьер-министр Украины Николай Азаров заявил, что Украина откладывает подписание Соглашения об ассоциации с ЕС на год.

В украинском сегменте Фейсбука наступил апокалипсис: все стали проклинать премьера Азарова, президента Януковича, президента России Путина и плакать о загубленных навеки Украине и собственных жизнях. Все кончено, все пропало, как мы будем жить дальше, нас проглатывает Россия – на эти темы высказались все. Кульминацией дня стал пост модного журналиста Мустафы Найема:

«Встречаемся в 22.30 под монументом Независимости. Одевайтесь тепло, берите зонтики, чай, кофе, хорошее настроение и друзей. Перепопст всячески приветствуется!»

Ну а первым комментарием под постом шло уточнение Мустафы, что каждый лайк будет расцениваться как личное обязательство выйти на площадь. Лайков и репостов набралось немерено, и ночной Майдан действительно (киевляне написали бы здесь «таки») собрался. В основном это были журналисты, которые тешили себя мыслью: если что-то пойдет не так, они всегда смогут сослаться на то, что прибыли на главную площадь страны по редакционному заданию или хотя бы «просто посмотреть». Рассказывают, что в первую ночь людей было гораздо меньше, чем лайков в Фейсбуке, но, как говорится, процесс пошел. Увидев, что на площади можно стоять совершенно спокойно, на следующий день к монументу Украиночке уже подтянулось гораздо больше народа. А на Европейской площади начали сооружать свой лагерь националисты из ВО «Свобода».

Разумеется, роль Мустафы Найема в организации Майдана трудно переоценить. Если бы выйти с протестом призвал не он, а кто угодно другой, то на площадь бы не вышел никто. Дело в том, что при всей неоднозначности журналистской репутации – слишком уж часто для Киева он менял вектор своей оппозиционности и слишком во многие медийные скандалы попадал (причем понять, идет речь об идеологических и профессиональных разногласиях или о банальном «не сговорились о деньгах», было невозможно практически никогда) – Мустафа Найем был и остается одним из самых обаятельных людей в Киеве. Он знаком абсолютно со всеми, с кем в украинской столице можно и нужно быть знакомым, и ведет себя со всеми так, словно они его лучшие друзья. Даже если публично находится в глубоком конфликте. Про таких людей окружающие обычно говорят «без мыла в жопу влезет» и, раз-другой столкнувшись с ними, предпочитают держаться от них подальше. Мустафе же каким-то непостижимым образом удалось сделать свою необыкновенную пронырливость важнейшей позитивной составляющей собственного образа. С одной стороны, говорили в Киеве про Мустафу, – настоящий журналист и должен быть пронырливым и въедливым, как бультерьер (хотя чего в бультерьере въедливого и пронырливого – сжал челюсти и висит), с другой – восточный человек, афганец, ну что с него взять, главное, что он любит Украину и не боится задавать острые вопросы никому, включая президента. О том, что такое острые вопросы и настоящие журналисты по-киевски, я еще напишу в соответствующей главе. Да и Мустафу Найема, как раз в момент, когда я пишу эти строки, объявившего о своем участии в парламентских выборах по списку блока президента Порошенко, я вспомню еще не раз. А пока вернемся на Евромайдан конца ноября 2013-го.

Итак, 21–22 ноября 2013 года на Майдан вышли друзья Мустафы Найема. Их было, конечно, не одиннадцать и даже не сто одиннадцать, но больше двухсот человек в первую ночь не набралось. Журналисты, пиарщики, сотрудники рекламных агентств и другие творческие люди ночь напролет постили в Фейсбуке селфи с Майдана, обнимались, целовались и всячески выражали свою нехитрую радость от того, что «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Вырвавшимся из душного ада редакций, офисов и социальных сетей на свежий воздух, да еще и по правому – как позже выяснится, во всех смыслах правому, – благородному европейскому делу было по-настоящему хорошо. Палатки еще не стояли, костры еще не горели, «кто не скачет, той москаль» еще никто не кричал... До первой (и, по сути, единственной) попытки разогнать Майдан оставалась неделя, до столкновений возле здания Администрации президента – девять дней, до создания Правого сектора – несколько недель, до кровавого свержения режима Януковича – целых три месяца, а до войны на юго-востоке Украины вообще полгода.

Хотел ли кто-то из пивших на Майдане кофе из термосов и искренне радовавшихся встрече друг с другом в ночь с 21 на 22 ноября сторонников европейской интеграции Украины такого развития событий, мы не знаем и не узнаем никогда. Они уже и сами этого никогда не вспомнят и не узнают. Пока они просто радуются жизни, политической опен-эйр вечеринке и надеются на европейское будущее. Им хорошо, их покой не нарушает даже милиция. На Украине реальная свобода мирных собраний, гарантированная Конституцией.

* * *

Требования людей, вышедших на Майдан в двадцатых числах ноября 2013 года, представлялись, по крайней мере, странными. Демонстранты, большинство которых все еще составляли журналисты, пиарщики, прогрессивные сотрудники политических партий и прочие представители креативного класса, прекрасно знали, что подписание Украиной Соглашения с Евросоюзом – вопрос более чем спорный. Спорный не в смысле политических и экономических выгод, а в смысле, что ассоциацию, скорее всего, не подпишут. Причем не подпишут именно европейские партнеры. Слишком уж много условий должна была выполнить Украина ради подписания документа. И главными условиями были освобождение из тюрьмы экс-премьера, лидера партии «Батькивщина» Юлии Тимошенко, отбывавшей семилетний срок за превышение должностных полномочий, а также принятие закона, направленного на борьбу с дискриминацией в украинском обществе.

По мнению украинских аналитиков, Тимошенко из тюрьмы не хотел освобождать лично президент Янукович, видевший в ней опасного конкурента на грядущих президентских выборах. Представители Евросоюза Патрик Кокс и Александр Квасньевский настаивали не только на освобождении госпожи Тимошенко из тюрьмы, но и на возможности ее участия в президентских и парламентских выборах. Как можно было освободить Юлию Владимировну, приговор которой подтвердили все судебные инстанции Украины, не нарушив при этом законодательство страны, украинские власти не знали или не хотели знать. По мнению юристов, сделать это было невозможно. Да в общем-то никто и не собирался. Тем не менее освобождение Тимошенко и ее участие в выборах являлись обязательными условиями подписания Соглашения об ассоциации. Иногда украинской власти предлагали более мягкий вариант – хотя бы выпустить Юлию Владимировну на лечение в берлинскую клинику Шарите, но подписания Соглашения этот вариант никак не гарантировал.

С законом о борьбе с дискриминацией дело обстояло гораздо комичнее. За закон, предполагавший в числе прочего равные права для ЛГБТ и обычных граждан, отказывались голосовать даже самые европейски ориентированные депутаты и фракции Верховной рады: мол, избиратели не поймут. Ведь несмотря на колоссальное количество тематического компро-

мата на депутатов, журналистов и чиновников, к геям и лесбиянкам на Украине отношение до сих пор крайне настороженное. Тут уместно вспомнить, что представителей ЛГБТ с радужным знаменем чуть не избили на Евромайдане еще в самые вегетарианские первые дни.

Хотя закон этот был реально необходим для евроинтеграции, по крайней мере, в части введения для граждан Украины безвизового режима со странами ЕС. Таким образом страны ЕС предполагали защитить себя от наплыва беженцев: приезжает, мол, гей-пара, скажем, в Брюссель и немедленно идет просить политического убежища – на родине угнетают, а чиновники им под нос закон о запрете дискриминации: не должно быть у вас проблем на родине, возвращайтесь домой.

Закон о запрете дискриминации был лишь одним из так называемого «европейского пакета» законов, но за остальные – в основном они касались создания различных бюрократических межведомственных структур по борьбе с коррупцией – к середине ноября 2013-го Рада худо-бедно проголосовала.

Короче говоря, на 21 ноября подписание Украиной Соглашения об ассоциации с Евросоюзом на саммите ЕС в Вильнюсе было не просто под вопросом, а практически нереально. Настолько под вопросом, что примерно за неделю до исторического заявления премьера Азарова о неготовности Украины подписать документ появилось обращение Федерации профсоюзов Украины к президенту и правительству с просьбой отложить подписание документа хотя бы на год, чтобы предприятия успели подготовиться к новым технологическим стандартам и им не пришлось массово сокращать сотрудников. Аналитики тогда сочли это заявление способом Януковича сохранить лицо, поскольку подписание Соглашения на Вильнюсском саммите было провалено уже заранее. И осведомленные люди – а Мустафа Найем и его товарищи по журналистскому и майданному делу были в этом вопросе в числе самых осведомленных в стране – прекрасно представляли себе полную бесперспективность евроинтеграции Украины в ближайшее время.

Поэтому, что именно и кому они хотели показать, когда выходили на Майдан, с точки зрения здравого смысла не очень понятно. «Мы просто должны показать, что мы есть» – вот лозунг первых дней Евромайдана. Кому? Зачем? И что они предполагали делать, показав, – об этом тоже узнать уже практически невозможно.

В первые дни Евромайдана было много предположений о том, что людей на площади собрали специально, чтобы расшевелить ЕС. Евромайдан, мол, играет на руку Януковичу и чуть ли не специально запущен через Мустафу Найема тогдашним предположительно всесильным серым кардиналом Януковича – главой Администрации президента Сергеем Левочкиным.

О том, что Мустафа Найем – человек Левочкина, тогда вообще говорилось много. Впрочем, по мере смены вех на Майдане и появлении там все новых, старых и встававших из политических могил деятелей ответ на вопрос: «У кого же взял деньги Мустафа?» менялся.

Тем не менее говорить о прямом политическом заказе и взятых Мустафой Найемом «под государственный переворот» деньгах мне кажется глупым. К осени 2013 года было понятно, что никакой Майдан ни за какие деньги не соберется. Для того чтобы вывести людей на площадь, нужны были чье-то личное безумие и личная убежденность в собственной правоте. Пусть даже в основе этого безумия и этой правоты лежали откровенно шкурные интересы. Есть такая украинская поговорка «сумасшедший-то он сумасшедший, а в борщ себе не насрет». Мне кажется, что и Мустафа Найем, и те, кто вышел вместе с ним на площадь поздним вечером 21 ноября, были в тот момент такими вот сумасшедшими, не забывающими, причем, заботиться о качестве своего сегодняшнего, завтрашнего, да и послезавтрашнего борща. Можно сказать, что идея евроинтеграции была таким общим сумасшествием. Впрочем, сумасшествием, при котором каждый надеялся отхватить себе что-то

«более лучшее», чем было у него к началу событий. При этом представление о Евросоюзе у большинства украинских журналистов и других лидеров мнений было даже не идеалистическим и мифологическим, а каким-то экстагически религиозным. Страны Евросоюза воспринимались примерно как заполонившие киевские меню и вывески надписи «Европейская кухня» – морепродукты и копченые сардельки проходили по одному ведомству. ЕС тоже представлялся украинцам неким единым, а точнее, даже единообразным однородным пространством, где неукоснительно соблюдаются абсолютно все законы (надо полагать, везде одинаковые), человек защищен от государства всеми возможными способами, прекрасное образование, медицина, высочайшие зарплаты и пенсии, а все кризисы и проблемы – преувеличение подлых путинских пропагандистов, которые только о том и думают, как бы заткнуть Украину в свой кошмарный Таможенный союз и раз и навсегда лишить ее будущего, ну и, конечно же, газовой трубы – основы украинской государственности, по словам третьего президента Украины Виктора Ющенко.

Желанием жить, как в Европе, украинские лидеры мнений, в том числе и лично Мустафа Найем, оправдывали совершенно дикие с точки зрения нормального человека вещи вроде вызова милиции в ресторан, посетители которого решили покурить, после Закона о запрете курения в общественных местах. Мустафа, курильщик со стажем, объяснял своим читателям в Фейсбуке, да и приятелям в частных беседах, что закон, конечно, глупый и неудобный, но ведь как в Европе же, как в Европе.

Как в России – жить не хотел совсем никто из вышедших на майдан Незалежности 21 ноября 2013 года. Почему-то все эти люди предполагали, что перенос подписания Соглашения об ассоциации с ЕС (которое, напомню, и так висело на волоске) автоматически приведет к вступлению Украины в Таможенный союз, что повлечет за собой невероятное падение в стране уровня жизни и сворачивание гражданских свобод.

В первый день Майдана никто еще не кричал ни со сцены, ни в частных беседах «все что угодно, только подальше от этих русских», пока несколько сотен демонстрантов всего лишь хотели показать, «что они есть», но на следующий день эта тенденция проявилась уже достаточно четко.

Важно отметить, что и Мустафа Найем, и большинство тех, кто вышел на улицу по его призыву, были очарованы не только известными им прелестями жизни в Евросоюзе, но и российским «белоленточным» движением. Несмотря на стремление в Европу, в Киеве модно было повторять или воплощать в отредактированном по местному вкусу виде практически любые заметные московские проекты (такой чести удостоился даже популярный российский националистический сайт «Спутник и погром», превратившийся в украинском варианте в «Петра и Мазепу»). Европейские же проекты копировались и адаптировались редко, а если такое вдруг и происходило, то такие начинания быстро сворачивались – очевидно, в силу отсутствия интереса к ним у европейски настроенной киевской публики.

Так что вовсе не удивительно, что киевские манифестанты брали пример с Болотной площади, а не, скажем, с греческих или парижских протестов, они ими просто мало интересовались. То ли дело – модная светская Москва. Смешным парафразом революции «п***тых шуб» выглядят фейсбучные посты и комментарии киевских модниц на тему, как принарядиться на Майдан, чтобы перед людьми стыдно не было. А многие матери даже умилялись тому, как их малолетние дочери специально выбирают себе сапожки и рукавички для воскресной семейной прогулки на Майдан. Но это все будет позже, а пока никто просто не догадывается, как долго все это продлится и уж тем более, чем это кончится.

Первая неделя. Майдан обретает структуру

Утром, а оно в Киеве наступает не рано, на Майдан начали прибывать не только условные друзья Мустафы, но и лица заинтересованные – активисты политических партий, народные депутаты, полузабытые и совсем забытые политики, деятели культуры, среди которых особой истеричностью выделялись певица Руслана, а также политшиза разной степени адекватности и влияния – да, януковичевская Украина была столь демократической страной, что очень многое в ее политической жизни происходило благодаря и за счет откровенно нездоровых маргинальных деятелей.

В общем, на хипстерско-креативную вечеринку пришли те, кого ее участники привыкли презирать и побаиваться. В частности, представители откровенно националистических и профашистских организаций. Впрочем, на «Майдан без политики» – а так позиционировали себя евроинтеграторы – «свободовцев», «патриотов Украины», «тризубовцев» и прочих представителей ультраправого сектора сначала не пустили: они разбили палаточный лагерь в двухстах метрах от Майдана, на Европейской площади. Именно там впервые стали кричать «хто не скаче, той москаль» и, собственно, скакать.

На самом Майдане Незалежности поставили сцену, куда стали вылезать деятели, перечисленные абзацем выше, и понеслось...

Пока политический бомонд требовал немедленного подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, на Майдан все прибывали и прибывали гости из регионов. В выходные поглазеть на «новую революцию» приходили киевляне целыми семьями. Впрочем, надолго народ еще не задерживался. Стали появляться первые ленточки с символикой Евросоюза, особым шиком считались связанные ленточки – евросоюзовская и желто-синяя украинская. Со сцены пела певица Руслана и другие исполнители, реинкарнировавшиеся из забвения, в котором оказались после «оранжевой революции». Начался сбор пожертвований на чай и бутерброды – их раздавали всем желающим.

Президент Украины Виктор Янукович и премьер Николай Азаров неожиданно высказались о событиях на Майдане в крайне одобрительном духе. Накануне Вильнюсского саммита 28–29 ноября, где предполагалось подписать документ об ассоциации с ЕС, мирный протест в центре города казался им очень хорошим пиаром – смотрите, какая Украина демократическая страна. Впрочем, в промежутке между началом Евромайдана и Вильнюсским саммитом Виктор Янукович успел съездить в Москву и привезти оттуда давно вымаливаемую скидку на газ (285 долларов за тысячу кубометров вместо 406 долларов) и договориться о беспроцентном кредите (\$15 млрд). В украинских СМИ и прямо со сцены Майдана немедленно объявили, что Янукович тайно подписал в Москве соглашение о вступлении Украины в Таможенный союз. Напрасно профильные журналисты, еще не утратившие остатков здравого смысла, пытались объяснить, что так не бывает и такого рода соглашения подобным образом не подписываются, – зерно было брошено в майданный чернозем, и антироссийские настроения захватили Майдан. Теперь кричать «хто не скаче, той москаль» и, собственно, скакать стали даже те, кому это раньше и в голову не приходило. Антироссийские лозунги начали вытеснять евроинтеграционные.

* * *

После присоединения Крыма к России у либерально настроенных людей появилась версия, что на Майдане, да и вообще на Украине никогда не было антироссийских и антирусских настроений. И разлюбили украинцы Россию именно и исключительно только после присоединения Крыма и вероломной гибридной войны. Это неправда. Вопиющая неправда:

с одной стороны, Россию на независимой Украине никогда особенно не любили, с другой – уже в первые дни Евромайдана нелюбовь к России и русским многократно усилилась.

«Как угодно, только не с Россией», «я ненавижу русских», – говорили лично мне давно и близко знакомые люди, ожидать от которых чего-то подобного за пару дней до Евромайдана было просто нереально. «Вы, русские, все равно никогда не поймете...», «вы – рабы Путина, а мы так не хотим», – говорили люди, постоянно читающие российские книжки, слушающие русский рок и интересующиеся Путиным и его политикой гораздо больше, чем большинство даже образованных россиян. Более того, внезапно ненависть к России и русским нашли в себе даже те, кто работал в русскоязычных СМИ и в не просто русскоязычных СМИ – антирусские настроения Евромайдана захватили даже большинство сотрудников украинского «Коммерсанта». Верстальщики, шоферы, корректоры, менеджеры по рекламе проклинали Россию прямо у меня на глазах, ничуть меня не стесняясь. А когда я говорила: «Ребята, да вы что, вы и меня, что ли, ненавидите?» Они опять же, не стесняясь, отвечали: «Ну ты нормальный человек, но вообще русские...»

Честно говоря, я до сих пор не знаю, откуда взялась эта ненависть к России. Существовала ли она все годы украинской независимости или возникла внезапно, распространившись, как вирус какой-то смертельной болезни. Наверное, если бы речь шла об украиноязычных выходцах из Львова и Ивано-Франковска, можно было бы говорить о каких-то исторических корнях, обиде за дедов и прадедов, просто разнице культур, но тут-то были русскоязычные выходцы из Киева и с востока Украины.

* * *

Короче говоря, светлый проевропейский Майдан довольно быстро превратился в источник оголтелой и реально ничем не мотивированной русофобии. А вытесненные поначалу за пределы Евромайдана правые и националистические партии довольно быстро заняли на Майдане лидирующие позиции. И хотя их палатки все еще стояли отдельно, тон на Майдане начали задавать именно они. Уже в первые дни с площади с позором и под угрозой избиения были изгнаны члены ЛГБТ-организаций, по крайней мере, радужное знамя у них отобрали и растоптали, в первую же неделю под поощрения ведущего были избиты активисты левого профсоюза – братья Левины. Коллективный разум Евромайдана не то что не осудил эти действия правых радикалов, в лучшем случае на них просто не обратили внимания, в худшем – одобрили: нечего проклятым пи***ам и коммунякам мешать нашему светлому европейскому будущему.

* * *

Политики и считающие себя ими тем временем прочно обосновались на сцене Евромайдана. Впрочем, кроме привычных и, честно говоря, обридых всем призывов вроде «Банду геть» и «Свободу Юле», они ничего предложить не могли. «Восстание живых трупов», – шутили тогда скептически настроенные по отношению к Евромайдану киевляне. И действительно, на сцене в эти дни можно было увидеть и услышать людей, давно и начисто смытых волной истории. На Украине политические звезды вообще быстро зажигаются и так же быстро гаснут. «Молодому и перспективному» политику достаточно просто поссориться со спонсорами и покровителями, занять или высказать не одобренную покровителями позицию, и все – он на многие годы переходит в разряд «сбитых летчиков». Самым удачливым из них удастся получить в личное пользование небольшую общественную организацию с грантами, офисом, заграникомандировками и другими приятными мелочами или занять небольшую чиновничью должность – выбор здесь зависит от личного вкуса неудач-

ливого карьериста. Большинство же остаются совсем неприкаянными и ходят побираться к более удачливым побратимам, которые подкидывают им денег на акции, а на самом деле просто на жизнь. Так сложилась судьба большинства членов УНА-УНСО, пострадавших от режима после «Украины без Кучмы», так сложились личные истории многих ярких активистов и звезд «оранжевой революции» 2004 года. Ярчайший пример – революционная святая Прасковья Королюк. «Баба Параска» – немолодая женщина из западноукраинской глубинки, которая приехала в Киев поддержать кандидата в президенты Виктора Ющенко, была обласкана прессой и лично Юлией Тимошенко, получила орден из рук самого президента Ющенко... А после этого руками вознесших ее к славе журналистов она была превращена в один из символов идиотизма президентства Виктора Ющенко и дожила свой век в Киеве фактически бомжем.

Из небытия и забвения удастся подняться очень немногим. Но хочется это сделать всем. Именно поэтому в стране долгие годы была такая насыщенная событиями, но не смыслом общественная и политическая жизнь: бесконечные акции протеста против всего на свете, пикеты, пресс-конференции. Девяносто процентов которых абсолютно бессмысленны и нужны лишь тем, кто их проводит, так сказать, для отчетности. В принципе киевляне настолько привыкли к тому, что каждый день кто-то где-то протестует, что и на Евромайдан большинство жителей украинской столицы поначалу особенного внимания не обратили.

* * *

Более того, в тот момент выход на сцену народных депутатов и других известных публичных оппозиционеров скорее раздражал стоявшую возле сцены публику. Самые вменяемые из протестующих пытались объяснять политикам, что они «не за кого», а просто вышли продемонстрировать свое стремление в Европу. Кроме того, многие из собравшихся тогда на Евромайдане очень боялись, что их снова втемную используют политики и олигархи. Впрочем, у большинства публики были более важные задачи: знакомиться с новыми людьми, делать селфи, публиковать о себе и своих товарищах по борьбе восторженные сообщения в социальных сетях. Всякая жизнь в стране, казалось, замерла. То, что вчера было смыслом жизни и профессиональной деятельностью, для многих потеряло какое бы то ни было значение. Одна из самых известных украинских благотворительниц жаловалась мне в эти дни:

– Детям в «Охматдете» (главная детская больница Украины) не хватает донорской крови, но никто из постоянных доноров (благотворительность и разного рода волонтерство, а также донорство незадолго до Евромайдана вошли у киевской интеллигенции в моду) даже не собирается сдавать кровь. Они говорят: «Сейчас мы все должны быть на Майдане, защищать европейское будущее нашей страны». А зачем нужно такое европейское будущее, если детям кровь сдать некому?

На разные культурные и общественные проекты, подготовка к которым шла долгие недели и месяцы, никто не обращал внимания. «Сейчас мы все должны быть на Майдане» стало общим трендом и ответом на практически любую просьбу.

Кстати, о донорстве: ровно за день до начала Евромайдана я обсуждала с известным оппозиционно настроенным адвокатом Евгенией Закревской возможность обращения в разнообразные суды и инстанции, для того чтобы экспатам на Украине разрешили сдавать кровь для нуждающихся. Я тогда старалась принимать посильное участие в разных волонтерских проектах, и невозможность сдать кровь и помочь кому-то только потому, что я иностранка, меня по-настоящему злила. Мы построили разнообразные планы относительно судов и даже возможных акций по этому поводу. Надо ли говорить, что на следующий день после начала Евромайдана госпоже Закревской стало не до донорства и больных детей. Все ее помыслы

были настроены исключительно на защиту протестующих на главной площади страны, которых власти в этот момент еще не только не притесняли, а даже одобряли.

Вообще интересно, что уже в первую неделю существования Майдана, когда речи не шло ни о преследованиях, ни о разгоне палаточного лагеря, протестующие чувствовали себя героями, борцами, будущими политзаключенными и еще всякими жертвами режима. Со стороны это казалось каким-то неумным пафосом и невыразимой пошлостью, на которые многие из лично знакомых мне тогдашних посетителей главной площади Киева казались неспособными. Тогда это выглядело всего лишь проявлением дурного вкуса, сейчас мне кажется, что тогдашние лидеры мнений поддерживали эту экзальтацию специально. Многие из них, до тех пор иронизировавшие над любыми проявлениями борьбы и вообще революционности, внезапно посерьезнели и превратились в пламенных трибунов евроинтеграции. Шутки по поводу Евромайдана и евроинтеграции Украины в целом стали неприличными и даже оскорбительными. «Как ты можешь так относиться к своим друзьям? Как тебе не стыдно?!» – часто говорили мне в те дни. Да и не только мне, а практически всем – вне зависимости от гражданства и рода занятий, кто проявлял хотя бы минимальный евроинтеграционный и евромайданный скепсис.

Вообще о перспективах подписания ассоциации с ЕС и перспективах Евромайдана говорили тогда все и везде. На работах, вечеринках, а уж Фейсбук просто разрывался от комментариев, репостов, «мегасрачей», призывов нести теплую одежду и еду на Майдан. В самом же палаточном городке разворачивались полевые кухни, куда предприимчивые простые люди вроде таксистов приезжали просто перекусить на халяву.

Уже тогда, в первую неделю Майдана, создавалось впечатление, что все со всеми вдрызг переругались и многие сошли с ума, а их вожаки преследуют исключительно шкурные интересы. Сейчас же кажется, что все эти споры и мегасвары первой недели Евромайдана были просто мирной и, как правило, нелепой дискуссией о будущем Украины. Все как будто почувствовали себя участниками одного из бесконечных и бессмысленных политических ток-шоу, которые все время шли по украинскому телевидению еще со времен Леонида Кучмы и особенно буйно расцветших при президентах Ющенко и Януковиче. Особенность этих ток-шоу была в том, что говорили на них все что угодно, но не влияло это абсолютно ни на что, кроме атмосферы в семьях, собиравшихся на еженедельный просмотр этих передач. Так вот с 21 ноября по 1 декабря 2013 года такое ток-шоу устроила себе вся страна, притом что результат его должен был быть точно таким же, как и у высокобюджетных передач: подписание Соглашения об ассоциации с ЕС ни от кого из бурно спорящих на эту тему не зависело. По большому счету не зависело оно и от решений президента Украины Виктора Януковича.

* * *

Тут, наверное, уместно сказать несколько слов о том, почему у многих моих знакомых и у меня в том числе Евромайдан с самого начала вызывал такое отторжение, если не отвращение. По мере развития событий, впрочем, многие из них изменили, да и по несколько раз меняли отношение к происходящему, но сейчас именно о том, что было в первую неделю. Казалось бы, что мешало пойти и весело потусоваться с давно и хорошо знакомыми людьми, да еще и в поддержку всего хорошего и против всего плохого. И дело было совсем не в том, что эти люди были против евроинтеграции Украины, скорее наоборот – в первую неделю на Майдане любили попить чайку с бутербродом многолетние сторонники Русского мира и вступления в Таможенный союз. И тем не менее многие смотрели на Евромайдан с чувством недоумения и брезгливости.

Во-первых, останавливал опыт «оранжевой революции» 2004-го, когда все самые прекрасные мечты и порывы оказались разбиты уже в первые полгода после победы «демократического кандидата Виктора Ющенко». Светлое завтра не наступило: вместо желанных реформ, вступления в Евросоюз и НАТО, избавления от коррупции, победы украинской культуры и т. д. общество получило падение экономики, связанное с ростом цен на российский газ, инфляцию, бесконечные скандалы Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко, дорогостоящие памятники жертвам Голодомора по всей стране, грандиозную аферу с «Больницей будущего», еще большую коррупцию и дискредитацию судебной и правоохранительной систем и т. д. В бытовом смысле тогдашний Майдан возненавидели все жители Киева: грязь и вонь на центральной улице города, толпы непонятных людей и еще множество подобных вещей. В общем, как это часто бывает, после «оранжевой революции» те, кто жили хорошо, стали жить еще лучше вне зависимости от того, на кого из кандидатов в президенты они работали или кого просто поддерживали, а те, кто жил плохо, стали жить еще хуже. Украинская революция – это чистый бизнес, в котором в выигрыше оказываются все стороны конфликта, кроме, собственно, народа, от имени которого они преподносятся.

Существует расхожее выражение, приписываемое многим авторам: «каждому поколению нужна своя революция», так вот Евромайдан, основной движущей силой которого были условно тридцатилетние, вызывал отвращение в первую очередь у тех, кому на момент «оранжевой революции» 2004 года тоже было около тридцати. Слишком хорошо помнили мы и тогдашнюю свою активность, и надежды, и последовавшее вслед за этим разочарование. Более того, если в 2004 году перед участниками протестов стояла хоть и не оправдавшая себя впоследствии, но достаточно внятная цель добиться пересмотра результатов выборов президента (тогда считалось, что они фальсифицированы) или просто перевыборов, то цель участников Евромайдана была настолько размытой и непонятно к кому обращенной, что вызывала искреннее недоумение и насмешку. Участники Евромайдана словно не понимали, что Евросоюзу Украина нужна не как страна, а как территория, подобно некрасивой глупой девице с квартирой в центре города, которая думает, что кавалеры ломятся к ней исключительно из-за ее внешних и внутренних качеств, а вовсе не за вожденными метрами жилой площади.

Поддерживавшим Евромайдан невозможно было объяснить и того, что даже если в каком-то фантастическом случае Украина подпишет ассоциацию с ЕС, то просто от подписания исторического документа в то, что у украинцев принято считать европейской страной, она не превратится. Что без реформ, обеспечивающих радикальное изменение системы власти и общественных отношений, никакая «европейскость» Украины невозможна. А единственным реальным выигрышем от подписания Соглашения может стать введение безвизового режима со странами Евросоюза, за счет чего осуществилась бы многолетняя мечта множества украинцев о работе и жизни в благоустроенном ЕС, то есть персональной евроинтеграции.

Следует отметить, что у большинства первых евромайдановцев – журналистов, пиарщиков, общественных активистов, правозащитников и т. д. – многолетние шенгенские визы имелись, но получить их было не так-то просто. Примерно раз в две недели на одном из ведущих информационных ресурсов страны появлялся душераздирающий рассказ о том, как кому-то из представителей креативного класса отказали в шенгенской визе. «Доколе?» – восклицали обиженные и обвиняли в невозможности получить визу президента Януковича и его политику в отношении Юлии Тимошенко или Таможенного союза. Посмотреть в зеркало и задуматься о том, как они могут выглядеть в глазах чиновника из консульства, им не приходило в голову. А выглядели они интересно даже в моих (неевропейских) глазах. Половину украинских журналисток, не зная об их роде занятий, легко принять за проституток средней цены и качества, журналистов – за работяг вроде тех, что делали раньше ремонты

в российских городах, а большинства людей с визитками «правозащитников» и «политтехнологов» можно по-настоящему испугаться в темном переулке. И вряд ли в этом виновата была политика Януковича.

Во-вторых, раздражали сами евромайдановские «европейцы» и их объяснения как европейского выбора, так и необходимости акции на Евромайдане. Вот что я писала в своем ФБ в конце ноября 2013-го:

«Все-таки в 2004 году на Майдан выходили совсем другие люди. Формально те же самые, что и сейчас: журналисты, рекламщики, художники, юристы, правозащитники, тусовщик и т. д. Но качественно они очень сильно отличались: другое образование, другие профессиональные навыки, другие ценности и даже фобии. Эти люди были гораздо ближе к Европе, чем те, кто на Майданах сейчас. Поэтому все эти протесты проходили без ксенофобских лозунгов и непрерывного срача всех со всеми. Годы правления Ющенко уничтожили этих людей как некую общность: слишком много в нее влилось условных Хоруживки или Донбасса (кому как больше не нравится), честных журналистов, полуграмотных юристов, нацистов-правозащитников, жлобоватых пиарщиков и т. д. – то есть тех, с кем совершенно невозможно себя отождествлять и оказываться по одну сторону баррикад. Поэтому нынешний Майдан и вызывает лично у меня, да и у многих моих знакомых такое чувство брезгливости – в повседневной-то жизни мы предпочитаем держаться от такого плана людей подальше и смеяться над ними. И никакие высшие цели – не повод их полюбить».

Настораживал, раздражал и реально смешил тот глубокий идиотизм, с которым они объясняли свое участие в протестах:

«Поэтому нынешние акции протеста – это тот редкий случай, когда можно выйти не за вождей и их маленькие гнусные схемки, а за то, что любишь и ценишь. За британский рок, скандинавский воздух, французское изящество, испанский хамон, немецкую надежность etc...» – писал в те дни оппозиционный журналист, сотрудник сайта censor.net.ua Евгений Кузьменко.

Ну это, так сказать, про духовные ценности. А вот как обосновывала экономическую необходимость евроинтеграции украинская писательница Светлана Пыркало: «Я могу купить три курицы за 10 фунтов (приблизительно 120 гривен). А вы? Мне не врет лидер страны. А вам? Украинцы платят за продукты больше, чем ЕС».

Писательницу Пыркало можно было считать видным специалистом по экономике: первые двадцать страниц ее произведения «Зеленая Маргарита» занимает рассуждение, почему два гамбургера в Макдоналдсе по акции выгоднее покупать, чем чизбургер без акции.

Многие коллеги-журналисты, впрочем, стыдливо рассказывали, что ходят на Евромайдан исключительно из профессиональных интересов и даже обязанностей. Кто-то рассказывал, что бывает на площади Независимости исключительно потому, что выгуливает там гостей из Москвы, кто-то – что ходит за дармовыми бутербродами и чаем. Пройдет совсем немного времени, и все эти люди станут убежденными сторонниками Майдана (уже без «евро») и свержения власти в стране.

В-третьих, настаивали провокационность и противоречивость самого Евромайдана. Провокационность заключалась в том, что раз в стране все так плохо, режим ужасен и жесток, то выводить людей на площадь в надежде чего-то добиться – подло и неправильно. Всем, кто знал и помнил историю Украины предыдущих тринадцати лет, было понятно, что, как и в случае «Украины без Кучмы», зачинщики и организаторы массового праздника получают новые должности, деньги и возможности – как в оппозиции, так, вполне возможно, и во власти, – а простые участники, подвернувшиеся под руку милиции, – неприятности в той или иной форме.

Противоречие же было в том, что если можно вывести людей, перекрыть центральную улицу города, поставить палатки, кричать антиправительственные лозунги, призывать со

сцены бог знает к чему и т. д., и никому за это ничего не будет, то зачем выступать против такой власти, почему нельзя подождать год, на который предложили отложить подписание Соглашения об ассоциации. Глупо как-то.

В-четвертых, неприятной была взятая с самого начала плаксиво-пафосная интонация пионерского сбора. «Вот в 2004 году на Майдан звали жизнерадостно и весело. Одни эсэм-эски “Ющенко – так, Янукович – мудака”, которые все друг другу рассылали, сколько радости и революционного задора приносили. Да и страшилки вроде российского спецназа тоже хорошо мотивировали. А в этот раз: “Ну дождь, но вы все равно придите”, “принесите горячего чаю”, “просрали Украину”, “на Майдане все неправильно, давайте делать не так”, “ну давайте просто покажем, что мы есть” – ужасная неуверенность в победе (отдельный вопрос, над кем и чем) и скулеж, скулеж, скулеж... С таким настроением даже за водкой толком не сходить, не то что власть свергнуть», – писала я в Фейсбуке 22 ноября 2013 года. И происходящее выглядело именно так.

Короче говоря, Евромайдан еще даже в форме Евромайдана производил отталкивающее впечатление. Трудно было представить себе, что собиравшиеся в течение недели возле монумента Независимости послушать малосимпатичных политиков, певицу Руслану и ее еще менее популярных коллег смогут что-то изменить в стране, а не просто потусоваться и почувствовать себя революционерами.

* * *

Между тем Майдан обрстал структурой. Появились полевые кухни, медслужба. В эфире начавшего свою работу «Громадского ТВ» (интернет-канал, аффилированный с «Украинской правдой») известная как личный врач Виктора Ющенко косметолог Ольга Богомолец давала студенткам советы на тему, как ходить на акции и при этом сохранить репродуктивные функции, то есть ничего не отморозить. В киевских ресторанах появились объявления «Участникам Евромайдана чай и кофе бесплатно». В супермаркетах стали требовать пропускать без очереди тех, кто сообщал, что их тележки до краев наполнены продуктами не для загородной вечеринки, а для демонстрантов. Машины, заборы и т. д. украсили евросоюзские флаги и ленточки. На стенах появились патриотические граффити. В информационном пространстве не осталось ничего, кроме Майдана. Время от времени в центре города что-то громили, но выглядело это скорее постановкой или приступом личного сумасшествия вроде знаменитого прыжка оппозиционной журналистки Татьяны Черновол на крышу милийского микроавтобуса, в котором, по ее мнению, находились агенты ФСБ России. В общем, к концу первой недели Майдана центр столицы и сознание его жителей были загажены так, что, казалось, хуже быть уже не может. Но реально плохое было еще впереди. И никто даже не мог представить себе, что будет дальше.

Конец Евромайдана

29 ноября закончился Вильнюсский саммит Восточного партнерства. Закончился провалом. Причем как Украины, так и ЕС. Евросоюзовским чиновникам не удалось навязать Виктору Януковичу подписание договора об ассоциации с ЕС на своих условиях. Требования украинского президента, например, о немедленном введении безвизового режима со странами ЕС тоже были проигнорированы. Таким образом вопрос подписания Соглашения с Евросоюзом отодвинулся на неопределенный срок. В течение предшествовавших Вильнюсскому саммиту нескольких месяцев украинские аналитики утверждали, что подписание документа именно на Вильнюсском саммите, то есть пока в ЕС председательствует Литва, – единственный шанс для Украины вообще подписать это Соглашение. Предполагалось, что Греция, которая должна была сменить Литву 1 января 2014 года, проблемами украинской евроинтеграции не будет заниматься ни при каких обстоятельствах. Трудно сказать, насколько это опасение было справедливым, но в сознание людей утверждение «сейчас или никогда» внедрялось просто истерически. Так что, по мнению собиравшихся на Майдане и проевропейски настроенных политиков, исторический шанс стать настоящими европейцами был утрачен если не навсегда, то очень надолго. И виноват в этом был лично президент Янукович.

Поэтому митинг на Евромайдане 29 ноября был куда более радикальным, чем в предыдущие дни. Там появились лидеры оппозиционных фракций в парламенте Арсений Яценюк («Батькивщина»), Виталий Кличко (УДАР) и Олег Тягнибок («Свобода»). Не то чтобы они не появлялись там раньше, но именно в этот день они пришли одновременно, чтобы продемонстрировать единство оппозиции. Довольно быстро журналисты придумали им прозвище «Тритушки» – именно так, в одно слово. Прозвище это складывалось из понятия «тушки» – так на Украине принято было называть депутатов, которые, пройдя в парламент по списку оппозиционной партии, переходили в провластные фракции или, по крайней мере, начинали голосовать вместе с ними; и отсылало к вошедшему в моду за несколько месяцев до Евромайдана уничижительному слову «титущки» – так на языке украинских СМИ принято было называть спортивных молодых людей, которых проянуковичевские силы нанимали для охраны и координации митингов и других акций. «Титушкам», а точнее, мифу о них еще предстоит сыграть свою роль в истории и мифологии Майдана. Пока же попробую объяснить, чем будущие пламенные революционеры, борцы с Януковичем, двое из которых – Яценюк и Кличко – впоследствии заняли важнейшие государственные посты, заслужили столь ехидное – хотя, как и весь майданный юмор, не слишком остроумное – наименование. Дело в том, что ни один из них не воспринимался обществом и экспертами всерьез. Арсений Яценюк руководил парламентской фракцией сидевшей в тюрьме Юлии Тимошенко и, соответственно, считался зиц-председателем, выполнявшим решения Тимошенко и ее на тот момент пожизненного заместителя Александра Турчинова. Глава националистической партии Всеукраинское объединение «Свобода» Олег Тягнибок упорно поддерживал имидж радикального идиота. Поговаривали, что за деньги близкого к Януковичу миллионера Андрея Клюева, а то и просто Администрации президента, которой он был нужен в качестве конкурента-страшилки Виктору Януковичу на президентских выборах 2015 года. С политическим весом обладателя практически всех возможных чемпионских титулов по боксу Виталия Кличко все было и так понятно.

Короче говоря, никто из них не имел ни способностей, ни рычагов, чтобы что-то решить самостоятельно. Более того, уставший (или думавший, что устал) от правления Януковича народ оппозицию ненавидел еще больше. За ее полную неспособность договориться хоть по какому-то поводу хотя бы между собой. Раздражало людей и отсутствие у «триту-

шек» минимально внятного объяснения того, чем они лучше Януковича, кроме того, что они не Янукович. Ни плана реформ, ни видения развития государства ни у кого из них не было. Возглавляемая Яценюком «Батькивщина» упрямо, но безуспешно вызволяла из тюрьмы Юлию Тимошенко и обвиняла действующего президента, в чем только могла придумать, – от нелегитимности до подглядывания за госпожой Тимошенко в тюремном сортире. Тягныбоковская «Свобода» устраивала драки в парламенте и боролась за все украинское плюс запрет на аборт и разнообразные преследования гомосексуалистов – от попыток разгона гей-парадов до требований ввести для них уголовную ответственность. Также важной частью деятельности «свободовцев» была борьба против добычи сланцевого газа на украинской земле. Чем занималась партия Виталия Кличко УДАР, сказать трудно. В Верховной раде VII созыва фракция УДАР представляла собой умеренную оппозицию Партии регионов.

Со сцены Евромайдана «тритушки» исполнили старые номера: потребовали освободить Юлию Тимошенко, устроить импичмент Януковичу, а если не получится – получиться не могло ни при каких обстоятельствах: в украинском законодательстве никаким образом не прописана процедура отстранения президента от власти, – устроить революцию, завершив свои выступления призывом «Банду геть» («Банду прочь»), давно уже переделанным местными остроумцами в «Панду геть», а «злочинной Пандой» («преступной пандой») называли самого президента Януковича.

Короче, отстранить президента или устроить революцию у этих людей никаких шансов не было. Евроинтеграция от них никак не зависела. Покричав со сцены, они удалились восвояси, да и Евромайдан в целом постепенно сходил на нет. Хотя именно в этот день на площади Независимости появились многие по-настоящему богатые и влиятельные люди. Выразить свое несогласие с позицией правительства и президента по вопросу подписания Соглашения об ассоциации пришли чиновники, известные предприниматели, депутаты провластной фракции, звезды шоу-бизнеса, топ-модели, модные рестораторы и галерейщики. Майдан посетила даже жена всемогущего главы Администрации президента Сергея Левочкина – художница и дизайнер Зинаида Лихачева. И не просто посетила, но даже призвала многочисленных читателей своей страницы в Фейсбуке последовать своему примеру. Аналитики расценили это как знак глубокого раскола в окружении Виктора Януковича.

В общем, 29 ноября на Евромайдане проходила самая яркая вечеринка за все время стояния. Однако понятно было, что больше ничего интересного там не будет. Ассоциация не подписана, пора расходиться и возвращаться к повседневным делам, которые, напомним, практически у всех демонстрантов шли при Януковиче очень и очень неплохо. Профессиональным евроинтеграторам идти за новыми грантами и собираться в новые пресс-туры, журналистам писать статьи и книги об этих незабываемых днях, волонтерам собирать полевые кухни и возвращаться к офисной работе, бизнесменам зарабатывать деньги, таксистам сворачивать флажки, чиновникам осваивать бюджетные деньги на реализацию отложенного европейского будущего Украины, да и всем им просто готовиться к новогодним корпоративам. Тем более что об окончании акции объявили прямо со сцены. Площадь потихоньку покинули хедлайнеры Евромайдана – депутаты и певица Руслана, увезли звукоусилительную аппаратуру... Казалось, что очередная, пусть искренняя и яркая, попытка изменить будущее Украины закончилась ничем.

И тут случилось... В общем, то, что случилось.

Избиение младенцев

30 ноября сознание многих украинцев – особенно киевлян – изменилось раз и, боюсь, навсегда.

Утро началось со страшной новости: Майдан разогнан, ночевавшие на площади студенты зверски избиты, есть многочисленные жертвы, те, кому удалось спастись, укрылись в Михайловском монастыре.

Стало известно, что коммунальные службы Киева вызвали спецотряд милиции «Беркут» зачистить площадь от демонстрантов, чтобы освободить место для главной елки страны.

Что и почему произошло на площади на самом деле, вероятно, не узнает уже никто и никогда. Кто на кого напал первым – тоже. По версии Майдана, в четыре утра «Беркут» напал на мирно спящих студентов и жесточайшим образом их избил. Трупов, о которых было сразу же заявлено, впрочем, не оказалось. Арестованных тоже. На многочисленных видеозаписях видно, как «беркутовцы» разгоняют людей на площади, используя спецсредства. Однако совершенно непонятно было, что или кто именно спровоцировал их на такую жестокость.

Милиция, правда, значительно позже, когда события приобрели уже необратимый характер, предоставила видео, на котором видно, как коммунальщики в сопровождении «Беркута» подходят к участку площади, где размещены палатки участников акции. В репродуктор объявляют требование «очистить данный участок площади», не покинуть площадь вообще, а покинуть конкретный участок, где должны продолжиться работы по монтажу новогодней елки. Протестующие никуда не уходят. «Беркут», вооруженный щитами и дубинками, подходит к ним ближе. Внезапно из толпы в направлении «беркутовцев» вылетает горящая бочка. (Бочки, в которых горит бензин, во время протестов выполняют функции печек и грилей для поджарки шашлыков, сала и т. д.) В ответ «Беркут» начинает действительно жесткий разгон людей на площади.

Существует множество версий того, кто и почему отдал приказ о «зачистке» площади Независимости. От официальной до конспирологических. После событий в ночь на 30 ноября были открыты уголовные производства сразу по нескольким статьям УК Украины: по 196-й («Хулиганство») и 342-й («Сопrotивление милиции») – в отношении участников Евромайдана. Под давлением общественности в отношении сотрудников милиции и других должностных лиц также было открыто уголовное производство по статье 365-й УК Украины («Превышение власти или должностных полномочий»), в числе основных фигурантов которого оказались тогдашний глава Киевской городской государственной администрации Александр Попов и начальник столичной милиции Виталий Коряк.

В течение всего противостояния в центре Киева появлялись самые разнообразные «сливы» из самых разных источников относительно действий Попова и Коряка в ночь на 30 ноября, а также версии, кто именно из врагов или друзей Януковича стоял за разгоном «мирно протестовавших студентов». Тем не менее расследование этих событий не завершено до сих пор и вряд ли будет завершено. Наказания за них уже точно никто не понесет.

Однако для дальнейшего существования и функционирования Майдана эти события оказались решающими. В субботу утром уже никто не помнил, зачем, собственно, собирався Майдан, теперь перед киевлянами и гостями города возникла задача сохранить Майдан любой ценой. Разбираться, кто прав и кто виноват в ночном разгоне, желания не было ни у кого – ни у власти, ни у оппозиции. Расследование инцидента не столько замалчивалось, сколько обесценивалось многочисленными комментариями патриотически настроенных людей. Которые в основном сводились к тому, что «это преступление народ Януковичу не простит».

По официальной версии, коммунальщики пытались очистить площадь Независимости от демонстрантов, чтобы установить новогоднюю елку. И вот тут, мне кажется, уместно рассказать о трогательных отношениях президента Украины Виктора Януковича с елкой. Или даже с «Йолкой», как принято было называть этот феномен на Украине.

Йолка против Януковича

17 мая 2010 года новоизбранный президент Украины Виктор Янукович встречался с президентом России Дмитрием Медведевым. Во время официальной части встречи президенты подошли к установленным на мемориале павшим воинам венкам. Шел сильный дождь. Еловый венок, к которому подошел Янукович, упал прямо на него. Украинские аналитики испугались. Они решили, что этот инцидент свидетельствует о скором трагическом распаде страны.

В конце 2010 президент Украины объяснял, почему власти понадобилось разогнать так называемый налоговый Майдан. «Трєба було встановити эту... йолку...» – после долгой паузы выдал Янукович. Елка по-украински называется «Ялынка», и то, что президент страны не смог назвать ее на том языке, на котором в этот момент говорил, вызвало страшный гнев и издевательство его противников. Можно было подумать, что елка – ахиллесова пята Януковича.

В преддверии 2012-го на площади Независимости поставили очередную главную елку страны. Модернистская конусообразная искусственная елочка не понравилась никому.

В социальных сетях и украинских СМИ над ней не поиздевался только ленивый. Разумеется, елку немедленно перекрестили в «йолку». Странники же действующей власти пытались вяло возражать: мол, нормальная у нас елка, даже модная, и кто вообще вправе определять, какая елка хорошая, а какая – нет.

Споры вокруг «йолки» моментально становились политическими: хорошо или плохо жить в стране. А сама йолка казалась противникам действующей власти таким кашеевым яйцом Януковича. Совпадение это или осознанный символизм, но именно попытка установить новогоднюю елку на главной площади страны запустила процесс отстранения Януковича от власти.

* * *

В субботу, 30 ноября 2013 года, возмущенные избиением мирных демонстрантов – «они же дети», «студентов», «героев» – киевляне собрались на Михайловской площади неподалеку от площади Независимости. Именно там – в Михайловском Златоверхом монастыре – укрылись изгнанные с площади активисты. Злые языки, конечно, называли этих людей всего лишь бомжами, ночевавшими в палатках уже после окончания, собственно, Евромайдана, и высчитали, что средний возраст пострадавших составлял тридцать восемь лет. Тем не менее киевская публика просто захлебывалась от ненависти к «кровавому режиму Януковича» и на площади, и в социальных сетях. А каркас новогодней елки, ради украшения которой коммунальщики и вызвали «Беркут» на площадь, стало принято называть «Кровавая йолка».

Оппозиция, официальными лидерами которой были «Тритушки» – Арсений Яценюк, Виталий Кличко и Олег Тягнибок, – призвала киевлян выйти на площадь Независимости 1 декабря и устроить там нечто под названием «Народное вече».

В Киев помчались активисты со всех концов страны.

Практически все деятели культуры, включая даже таких одиозных, как писатель Адольфыч и певица Камалия, были единодушны в осуждении «кровавого разгона студентов».

Священнослужители всех конфессий молились за «убитых, пропавших и покалеченных» на площади.

Правозащитники всех мастей заявили о попытке свержения конституционного строя в стране и обратились к международным организациям.

Несколько депутатов вышли из правящей Партии регионов.

Глава администрации президента Сергей Левочкин подал в отставку. Что творилось в журналистском сообществе, описать словами просто невозможно. Можно только процитировать, например, такую заметку с популярного в то время оппозиционного сайта censor.net.ua: «“Насколько фарисейскими и иудиными являются эти заявления [власти о готовности соблюдать конституционное право граждан на свободу собраний – А. Т.], показывает следующая история, утром 4 декабря рассказанная мне на Майдане простым парнем-заикой, в искренности рассказа которого я ни на секунду не сомневаюсь. Его, уроженца Белой Церкви, за участие в Евромайдане уволили с работы на Белоцерковском шинном заводе. Руководство у него на глазах порвало его трудовую книжку и удостоверение слесаря четвертого разряда”, – рассказал политолог Палий».

Но 30 ноября закончилось и наступило 1 декабря.

1 декабря

Началом Майдана как восстания против власти в принципе нужно считать именно этот день. Именно в это снежное воскресенье на площади Независимости собралось наибольшее количество людей за всю историю «революции достоинства». Конечно, разные источники приводят разные цифры: от миллиона – в наиболее апологетической версии, до десяти тысяч человек – в наиболее скептической. С 2004 года, когда заявлялось, что на «оранжевый Майдан» вышли «миллионы» людей, модно стало публиковать – в основном для опровержения многомиллионной поддержки «оранжевого Майдана» – различные технологии расчетов того, сколько людей может поместиться на площади Независимости, Крещатике, Европейской площади и прилегающих к ним улицах. Но, как это принято на Украине, каждая сторона верит лишь своим исследованиям. Я лично могу утверждать только то, что 1 декабря 2013 года на улицу вышло столько людей, сколько не выходило ни в один из самых судьбоносных дней «оранжевой революции».

Вокруг Майдана появились первые баррикады. Впоследствии майдановцы будут очень гордиться тем, что разработали совершенно новый принцип построения защитных сооружений: баррикады складывались из мешков со снегом и льдом. Настроенные против Майдана киевляне выдвигали различные версии того, что будет, когда наступит оттепель, и чудо инженерной мысли начнет таять и смывает палаточный лагерь со всем его содержимым. Впрочем, все это будет несколько позже, а пока вернемся в 1 декабря 2013 года.

На Майдане начали формировать первые «сотни самообороны», значительно расширилась медицинская служба. Объявили сбор лекарств для майдановцев. Привезли полевые кухни – халявные бутерброды с колбасой и салом уже не могли удовлетворять потребности обитателей палаточного городка и других демонстрантов в пище. Тем более горячей. Изменился и дресс-код наиболее активных участников протеста: у них появились строительные каски, мотоциклетные шлемы, нарукавники, наколенники и т. д. – для защиты от разъяренного «Беркута». Позднее выяснилось, что некоторые мирные демонстранты прихватили с собой палки, биты, кастеты и железные цепи. Впрочем, тогда столь предусмотрительных активистов еще принято было называть «провокаторами».

Итак, вече на Майдане собрало беспрецедентное количество участников. Все пространство от Европейской площади до Бессарабской площади (около двух километров) было заполнено разгневанными людьми. К лозунгам вроде «Украина це Европа» добавились и откровенно антиправительственные.

Собственно, в этот день определился и дальнейший формат проведения этих самых вече: выступления лидеров оппозиции – не только «тритушек», но и более яростных ораторов вроде Юрия Луценко, Ирины Фарион, Александра Турчинова и каких-то совсем уж безумцев – в которых звучали требования о немедленной отставке правительства и президента, суде над ними, «Юле-волю», и знаменитое «Банду геть». Разумеется, лозунги эти мгновенно подхватывала вся площадь. Каждый час проходил массовый молебен и каждый час вся площадь пела государственный гимн Украины.

Надо сказать, что по сравнению с тем, что происходило дальше, вече 1 декабря было еще относительно вменяемым – обычное политическое шоу. То есть ощущение невменяемости Майдана возникало именно из-за ежедневного повторения одного и того же ритуала, к концу Майдана превратившегося практически в обряд.

Представители правых сил практически без сопротивления заняли здание Киевской мэрии. Освободить от проживавших там участников протестов здание удастся только после того, как в мае 2014 года мэром Киева станет великий боксер Виталий Кличко. В здание мэрии, а впоследствии и в захваченный мирными демонстрантами Дом профсоюзов очень

любили водить на экскурсии журналистов, особенно российских – хвастаться высоким уровнем самоорганизации протестующих.

В какой-то момент участники мирного вече отправились выражать свое несогласие с действиями власти к зданию Администрации президента на Банковой улице. Впоследствии то, что там произошло, будут называть «событиями на Банковой».

События на Банковой

Уже во второй половине дня, пока на Майдане пели гимн, молились, слушали ораторов и кричали «геть Януковича», к Администрации президента на Банковой улице подошло около двухсот молодых людей, как принято говорить в таких случаях, спортивной наружности. Они кричали «Слава Украине» и шли на «беркутовцев», стоявших в оцеплении возле ограды Администрации президента. Ведущие интернет-издания Украины немедленно наладили прямую трансляцию с места событий (стрим). Все, кто не был в этот момент на Майдане, прильнули к мониторам и не отрываясь следили за столкновениями («сутичками» – укр.) на Банковой.

Журналисты, в числе которых был и Мустафа Найем, рассказывали и показывали, как молодые люди пытаются прорвать милицееское оцепление. Правда, в самые острые, по словам журналистов, моменты видеотрансляция прерывалась. То есть журналист говорил: «“Беркут” избивает активистов дубинками», но как именно он это делает и делает ли вообще, видно не было.

В какой-то момент на улице появился бульдозер, который направили прямо на милицееское оцепление. Мирные демонстранты попытались остановить бульдозер и назвали находившихся в нем молодых людей в балаклавах и кожаных куртках провокаторами. Бесконечное превращение провокаторов в героев, тех же самых героев в провокаторов и снова в героев вообще станет одной из важнейших тем Майдана. Такая комедия переодеваний. В общем-то, она не закончилась и после победы Майдана. Мало кто не сталкивался с объяснениями украинской стороны о том, что дома в Донецке, Луганске и т. д. обстреливают не силы украинской армии, а переодетые российские солдаты. Но все это будет гораздо позже.

Пока же на бульдозер, приостановленный мирными демонстрантами, поднялся нынешний президент Украины Петр Порошенко (в то время депутат по мажоритарному округу). Он приказал провокаторам остановиться. Те вроде бы даже остановились, но начало силовому противостоянию милиции и демонстрантов было положено. Более того, поведение милиционеров и «Беркута» всячески осуждалось, в то время как протестующих с камнями, бейсбольными битами, газовыми баллончиками и отобранными у спецназовцев щитами принято было называть мирными демонстрантами.

Маргинальная еще в июне 2012 года идея о том, что выпущенный в лицо милиционеру газ – необходимая оборона всякого гражданина, овладела абсолютно всеми поклонниками Майдана.

Спустя несколько часов противостояния на Банковой «Беркут» все-таки пошел в атаку. За десять минут улица была зачищена, а многие мирные протестующие мало того, что пострадали от дубинок, так еще и были задержаны. В числе побитых оказался и ведущий репортаж с передовой Мустафа Найем.

Зачинщики драки, по мнению прессы, куда-то исчезли. После в организации провокации на Банковой обвинят лидера партии «Братство» Дмитрия Корчинского, «писателя, философа и политика» – иногда его называют «украинским Лимоновым», но это сравнение является скорее неуклюжей лестью, чем обозначением места господина Корчинского в политическом и культурном пространстве Украины. После возбуждения против него уголовного дела Дмитрий Корчинский уйдет в подполье – будет прятаться то ли в России, то ли в Израиле, то ли в селе у родственников.

Вскоре выяснится, что непосредственно бульдозером управлял, как это принято называть на Украине, «гражданский активист» Андрей Дзиндзя, прославившийся созданием правозащитной организации «Дорожный контроль». Правозащита в исполнении «Дорожного контроля» выглядела так: активисты организации ездили по дорогам страны, нару-

шали правила движения, дожидались, пока их остановит гаишник, после чего начинали грубо его оскорблять, плевать в него (в буквальном смысле слова), а потом, вызвав у него какую-нибудь негативную реакцию, они снимали гаишника на видео и выкладывали ролик в интернет. Отношение к роликам Дзиндзи на Украине было неоднозначным: многим они безумно нравились, но многих все-таки раздражали. Поэтому, когда после событий на Банковой Дзиндзю на два месяца посадили под арест, злорадствовали даже многие промайданно настроенные граждане.

Однако вернемся на Майдан. Там в это время продолжали петь, молиться, возводить защитные сооружения и ставить палатки. Праворадикалы – тогда их еще не называли «Правым сектором» – предприняли попытку снести памятник Ленину на бульваре Шевченко. Но в тот день милиции удалось его отбить. 1 декабря заканчивалось.

2–3 декабря

Лично для меня 2 и 3 декабря оказались самыми страшными днями. Понятно не было абсолютно ничего. Толпа в центре города, палатки и баррикады не только на Майдане, но и на улицах вокруг так называемого (собственно, тогда он и стал так называться) правительственного квартала – город не был больше похож сам на себя.

Ходили слухи, что метро закрыто, потому что из Киевской области в центр города на метро доставляют боевое спецподразделение «Тигр», чтобы разогнать мирных демонстрантов. «Тигр идет», – вспомнила я тогда игру пьяных вертухаев из довлатовской «Зоны». Как и почти все, что информационно сопровождало Майдан, ожидание «Тигра» было проникнуто духом совершенно запредельных в лучшем случае комизма, в худшем – пошлости.

То и дело появлялись сообщения о том, что вот-вот в городе отключат мобильную связь.

Традиционно, еще со времен «оранжевой революции», постоянно появлялись тревожные новости о приближении к Киеву российского спецназа. Некоторые новостные ресурсы отличились тем, что не глядя ставили ссылку прямо на фейк еще 2004 года.

Горожане советовали друг другу немедленно снимать с карточек деньги и бежать в супермаркеты за продуктами. Мол, кто-то сказал кому-то, что в главных торговых сетях города прекращено электронное обслуживание. Да и вообще вот-вот произойдет неизвестно что.

При этом, несмотря на страшные слухи, захваченное здание мэрии, перегороженный баррикадами и блокпостами демонстрантов и милиции Печерск, город продолжал жить своей жизнью. Нужно было ходить на работу, никто не отменял деловые встречи и т. д.

2 декабря я как раз шла на такую встречу и именно в район улицы Богомольца (правительственный квартал). Шла, потому что такси вызвать было невозможно. Вернее, вызвать-то можно было, но обледеневший склон – Шелковичную улицу – преграждали баррикады и блокпосты. Поэтому приходилось подниматься пешком. Сама баррикада и блокпост выглядели просто жутко: железная клетка, внутри и вокруг которой стояли непонятные люди в непонятной одежде. Балаклава тогда еще не утвердилась в качестве символа украинского протеста, формы и шевронов различных «сотен самообороны Майдана» тогда тоже не существовало. Так что мирные демонстранты, перегородившие дорогу, выглядели довольно причудливо. Кто-то был в обычной одежде, другие – вероятно, это были обитатели палаточного городка – вызывали стойкую ассоциацию с изображениями немцев под Москвой зимой 1941 года: в стоптанных сапогах, заматанные в шарфы и платки, в бомжатских куртках. Эстетизация украинского протеста тогда еще не началась. А может, и наоборот, кошмарный вид защитников европейского выбора Украины и свержения существующего режима призван был продемонстрировать истинную народность протеста.

Обойти баррикаду можно было только по узкой обледенелой тропинке. Я так боялась свалиться с нее вниз, что мой сосредоточенный вид не вызвал у часовых желания пообщаться со мной. Хотя я видела, как они останавливали и опрашивали несколько мужчин и женщин, отбирая их по только им ведомым критериям. Правда, я не заметила, чтобы когонибудь не пропустили. Вечером того дня в Фейсбуке появилось несколько историй, рассказанных жителями немногих жилых домов в правительственном квартале о том, как молодую женщину, спустившуюся на Бессарабку за молоком, не пропустили к грудному ребенку, как к пожилому человеку не смогла проехать скорая помощь, и он умер от инфаркта и т. д.

Сторонники Майдана активно опровергали такие сообщения, отмечая, впрочем, что мажорам из правительственного квартала (один из самых дорогих районов Киева) так и надо. Как часто бывает в таких украинских Фейсбук-дискуссиях, те, кто доказывает отсут-

ствие чьих-то античеловеческих помыслов и действий, сами же и подтверждают их своим отношением к реальным или мнимым жертвам. См., например, позднейшую логическую схему: украинская армия не обстреливает мирное население Донбасса; да и нет там никакого мирного населения.

Так или иначе, имена этих мнимых или реальных жертв первых дней декабря 2013 года остались неназванными, поэтому было это правдой или антимайданным пиаром, мы не узнаем никогда.

Я же, зайдя 2 декабря в магазинчик на Богомольца, услышала, как продавщицы объясняют зашедшему в магазин покупателю, что хлеба и молока пока нет, потому что грузчики вынуждены нести ящики с Бессарабки в руках. И продавать хлеб и молочные продукты будут только совсем уж немощным жителям микрорайона, потому что сколько продлится блокада, непонятно никому.

Мой деловой разговор в тот день не получился: участники встречи ждали событий и постоянно следили за новостными сайтами и стримами. А разговаривали, разумеется, только о Майдане. В течение следующих трех месяцев так будут проходить почти все встречи, кроме, вероятно, тех, что имели прямое отношение к майданным делам.

Суды по Банковой

2–3 декабря в столичных судах было не протолкнуться: там выбирали меру пресечения задержанным за участие в массовых беспорядках возле Администрации президента. Журналисты, общественные активисты, родственники, да и просто обитатели Майдана – все пришли поддержать задержанных накануне на Банковой.

Если верить отчетам журналистов и правозащитников, судебные решения выносились как под копирку. Все задержанные были арестованы на два месяца. Тогда же майдановцы дали президенту Януковичу новое прозвище Пидарешт («под арест» – *укр.*). Вероятно, они думали, что решения об аресте задержанных возле Администрации президента принимает лично Виктор Янукович. «Пидарешта геть!» – кричали активисты возле здания суда и на самом Майдане.

СМИ наполнились душераздирающими историями о каждом из арестованных. Неожиданно выяснилось, что все они в этот день оказались на Банковой совершенно случайно. Ну просто прогуливались и подошли посмотреть, что за толпа собралась возле Администрации президента. Более того, почти все они оказались одновременно инвалидами, многодетными отцами младенцев, единственными сыновьями парализованной матери, обладателями двух, а то и трех высших образований, пишущими диссертации и т. д. Что заставило таких по идее всегда очень занятых – здоровьем, семьей, наукой – людей пройтись по местам массовых беспорядков, да еще и с бейсбольными битами в руках, в гневных и сочувствующих статьях не уточнялось. Видимо, потому, что писались они ровно тем же способом, что и судебные решения.

Столица была возмущена неправосудными арестами. На Майдане шла своя жизнь: тренировались боевые отряды – «сотни самообороны», возводились новые и новые баррикады. Киевляне везли в центр города продукты и медикаменты. Костюмы майдановцев становились все причудливее, хотя до парамилитари им было еще далеко. Более того, у Майдана появились коменданты и координаторы из числа народных депутатов Украины – людей, обладающих депутатской неприкосновенностью.

Правозащитники и адвокаты добились судебного запрета на рассмотрение любых исков Киевской городской государственной администрации, связанных с происходящим на площади Независимости, до 8 января 2014 года.

В общем, Майдан начал превращаться в государство в государстве.

«Зачем нам Чечня посреди города?» – писали в блогах возмущенные киевляне, которых все-таки было немало, но слово им давали исключительно в программе Дмитрия Киселева на телеканале «Россия».

Дмитрий Киселев – герой Украины

Когда я жила в Киеве, я не смотрела российское телевидение. Не из каких-то высоких соображений, а просто было незачем, да и некогда. К тому же даже в самые вегетарианские времена человек, хоть раз посмотревший украинские новости или, например, шоу Савика Шустера, раз и навсегда терял интерес к какому-либо другому телевидению мира. Слишком уж ярко это было устроено.

В общем, до декабря 2013-го мало кому в Киеве приходило в голову включить в воскресенье вечером программу Дмитрия Киселева «Вести недели».

Но вдруг «Вести недели» стали самой популярной передачей на Украине: сотни публикаций в социальных сетях, вдумчивый анализ каждой передачи Киселева в СМИ. В передачах Дмитрия Киселева Майдан и его обитатели показывались именно так, как они выглядели. А выглядели они страшно. Скептически настроенные киевляне даже говорили о «новом Средневековье» и «Чечне в центре европейской столицы». Тем не менее каким-то непостижимым образом майданофилы начали конструировать свою реальность и свои идентичности именно на основании российских «Вестей недели».

Показывал Киселев людей с кастрюлями на голове – тут же кастрюли надевал весь Майдан. Говорил о «жидобандеровцах» – киевские интеллектуалы сразу же начинали так себя называть. Дизайнеры даже придумали специальные майки – семисвечник в цветах флага Украинской Повстанческой армии – для тех, кто еще совмещал стояние на Майдане с ежедневной офисной работой.

Передачи Киселева оказали страшное разрушительное воздействие на психику многих киевлян. Чем больше уважаемый ведущий показывал майдановцев злобными нелепыми идиотами, тем больше им хотелось переплюнуть российскую пропагандистскую машину и выглядеть и вести себя еще нелепее, злобнее и глупее.

Дмитрий Киселев даже вдохновил поэтов. Вот широко известное стихотворение Артема Полежаки, своеобразный гимн интеллектуалов-майданофилов:

Господин Киселев, в Киеве страшно!
Опять малороссов попутал нечистый!
На площади варят военную кашу.
По улицам толпами ходят фашисты.

Кругом баррикады, окопы и рвы.
Еще до сих пор мои руки трясутся —
Когда тут узнали, что я из Москвы,
Меня хотели убить трезубцем!

Кругом гомосеки и лесбиянки!
От наркоманов деваться некуда!
Студент-филолог из Могилянки
Избил пятерых сотрудников «Беркута»!

Мустафа на трибуне кричал про джихад,
И толпа бесновалась: «Хотим в Европу!»
А потом провели большой гей-парад,
И ВСЕ УБЕЖАЛИ Е***ЬСЯ В *ОПУ!!!

Я продолжаю свой репортаж
Из столицы фашиствующей Украины.
Сзади меня был Гостиный Двор,
Теперь, посмотрите, одни руины!

В переходах метро танцуют гопак —
За это ль, скажи, воевали деды?!
Гуцулы в Михайловском, в Лавре – бардак!
Жида, либералы и людоеды!..

Жидов тут вообще (всех бы разом под суд!),
Простите, хотел сказать «иудеев»...
Они раздают прохожим мацу,
Вводят в гипноз и внушают идеи!

Ночами творится такое, скажу я,
От ужаса с треском взрывается сердце —
Повстанцы, скукожившись возле буржук,
Пьют ведрами кровь христианских младенцев!

Это вовсе небесталанное стихотворение оказало на киевскую публику просто магическое воздействие. И без того крошечная доля критического восприятия Майдана и событий вокруг него теперь была полностью утрачена. А любая полемика на тему Майдана и его идей сводилась к банальным: «насмотрелась русской пропаганды» и «да, мы фашисты и жидобандеры».

Коснулось это и совсем простых людей. В «Коммерсантъ-Украина» работал шофер Костя. Он развозил сотрудников редакции по домам после сдачи номера. Милейший дядька, друживший со всеми и всегда стремившийся оказывать мелкие услуги вроде привезти коньяка или съездить за продуктами или святой водой, даже когда его об этом не просили. Коренной киевлянин, шофер Костя никогда не доверял никаким политикам, не говорил по-украински и вообще думал только о том, что где купить подешевле, а лучше урвать на халяву. Голосовал за Виталия Кличко по принципу «крутой же мужик». Но Майдан-2013 превратил аполитичного и на свой лад циничного Костю в ненавистника России и патриота Украины. А начиналось все просто: работая по ночам, Костя заезжал на Майдан поужинать чаем и бутербродами. После пары таких поездок он начал отвозить сотрудников «Коммерсантъ-Украина» прямо на Майдан. Навязчиво отвозить. Потом стал проклинать Януковича и его семью. Как будто они украли все лично у Кости и его стариков-родителей. К середине декабря 2013-го Костя превратился в настоящего украинского патриота и ненавистника всего русского. Даже любимую маленькую бутылку водки он стал называть «четвертью горилки». Я не знаю, как сложилась его судьба дальше. Скорее всего, после закрытия «Коммерсанта» он – крепкий и боевой мужик – ушел воевать в какой-нибудь из добровольческих батальонов.

8 декабря

К этому дню Майдан уже сильно надоел жителям города. Но стало понятно, что разгонять его никто не будет аж до президентских выборов 2015 года. Помойка в центре города была, конечно, противной, но привыкли к ней довольно быстро. И казалось, что план Януковича заключается именно в том, чтобы с помощью Майдана раз и навсегда отвадить население страны от идеи массовых акций, посвященных смене власти.

Очередное народное вече 8 декабря не дало ни новых идей, ни новых лидеров. И все-таки это был важный день в истории Майдана. Вечером разрушили памятник Ленину на Бессарабской площади Киева. Ни «Беркут», ни патрули Коммунистической партии Украины, которые дежурили возле главного памятника Ленину в стране еще с 2009 года, когда праворадикальный активист Николай Кохановский отбил Ленину голову, помешать сносу памятника не смогли.

История борьбы с памятниками Ленину – вообще важный элемент украинского дискурса. Проблема эта существовала все годы украинской независимости. Одна часть общества настаивала на том, что это наша история, да и вообще привычные городские объекты, так что пусть стоят, как стояли. Другая считала, что памятники Ленину (да и другим коммунистическим лидерам) обязательно должны быть снесены, причем как можно более циничным и варварским способом. Ленин – упырь, и счастье на Украине наступит только тогда, когда истуканы, изображающие его, будут уничтожены.

Третий президент Украины Виктор Ющенко даже подписал в какой-то момент указ, согласно которому вся советская символика на территории Украины должна была быть уничтожена. Разумеется, никто этот указ исполнять не стал: ни денежных, ни дополнительных трудовых ресурсов на такое трудное дело государство не выделило. Тем не менее вандалы из праворадикальных организаций, воспринимавшие памятники Ленину и другим коммунистам как живых настоящих врагов и по мере сил пытавшиеся их разрушить при любой возможности, всегда ссылались на указ президента Ющенко, когда их судили за хулиганство и вандализм. Мол, мы не вандалы, а просто следуем указу «самого украинского президента Украины».

Интеллигенция высказывалась в том плане, что для будущего процветания Украины памятники вождю мирового пролетариата демонтировать, конечно же, нужно, но необходимо оценить их культурную ценность и те, что ее представляют, перенести в специальные музеи советского быта (о музеях оккупации в то время еще не говорилось). Но, как это часто бывает на Украине, никто и никогда всерьез не озаботился этой проблемой. Так что памятники Ленину и другим коммунистическим и чекистским деятелям относительно спокойно стояли в городах до тех пор, пока какому-нибудь прохожему молодому патриоту не приходило в голову свести с ними счеты. Задолго до Майдана в Киеве можно было увидеть памятники неизвестным революционным деятелям, изувеченные кувалдами, залитые краской и обгаженные еще какими-то способами. Активисты не оставили в покое даже киевский метрополитен: в конце 2012 года на станции «Театральная» они напали на горельеф, изображающий Ленина с рабочими.

Нельзя сказать, что общество поддерживало или осуждало нападения на памятники Ленину и другим. Скорее, возможность относительно безопасно делать это – обычно участники подобных акций получали минимальные условные сроки – была частью общественного договора. И даже общественного движения: памятники Ленину по всей стране охраняли коммунисты, и вокруг них возникали некие тусовки ностальгического плана.

Свержение памятника Ленину на Бессарабской площади майданофилы приветствовали. Многие забирали себе обломки памятника как сувениры, считая, что это такой же

рывок к свободе, как обломки Берлинской стены. И это стало следующим шагом, отделившим «интеллигентов с двумя высшими образованиями и знанием нескольких европейских языков», скакавших на Майдане, от обычных людей. От тех людей, которыми они были еще вчера.

11 декабря – ночь великого перелома

Силового разгона Майдана публика ждала каждый вечер, но он все не начинался и не начинался. И вдруг вечером 11 декабря «Беркут» пошел зачищать площадь от палаток и манифестантов. В Фейсбуке немедленно появились призывы прийти и защитить. И киевляне вышли. И защитили. Всю ночь они топтались по периметру площади Независимости, чувствовали себя военачальниками, перестраивали баррикады. К утру даже у самых вменяемых людей не осталось хоть капли критического отношения к Майдану. В ночь на 11 декабря Майдан превратился в самостоятельную ценность. Защищать его нужно было не ради свержения Януковича или вступления в Евросоюз, его стало нужно защищать просто ради того, чтобы он был. Это очень сложно объяснить тем, кто этого не видел. Но вдруг Майдан стал безусловной ценностью. Разойтись эта, в общем-то, довольно унылая тусовка не смогла бы никогда. Она почувствовала свою силу.

* * *

Раз нельзя разойтись и силы есть, то на Майдане продолжилось обустройство мирной жизни. Ну а поскольку Майдан позиционировался как ответ интеллектуального украинского общества «быдлярской» бандитской власти, то, помимо новых баррикад и пунктов раздачи еды, там появился Свободный университет Майдана (СУМ). Так назывались лекции, которые прямо со сцены читали известные деятели культуры и общественных наук. Интересно, что в СУМе царил небывалое единение: анархисты и националисты, левые и ультраправые слушали друг друга с нескрываемым восторгом. Слушали, не вслушиваясь при этом в смысл слов. Умами майдановцев завладело слово «самоорганизация». Население Майдана настолько обрадовалось тому, что наконец-то на Украине удалось что-то «организовать снизу», что активистам всех мастей было совершенно безразлично, с кем солидаризироваться и организовываться.

В Свободном университете Майдана показывали фильмы и перформансы об ужасах жизни на Украине, преступной власти и зверской милиции. Лекции там прочитали и приглашенные российские звезды: Надежда Толоконникова и художник Петр Павленский.

Также в СУМе рассказывали о том, как наиболее юридически грамотно отбиваться от милиции и «Беркута».

Появился на Майдане и свой, можно сказать, выставочный зал. Художники, представители движения «Жлоб-арт» организовали там специальную баррикаду-арт-лабораторию под названием «Мыстецкий барбакан» (барбакан – маленькая крепость, располагавшаяся в Средневековье перед основной крепостью недалеко от городских ворот). Там создавали карикатуры на президента и правительство, рисовали портреты майдановцев из глубинки. И вообще происходила художественная жизнь. Создатели «Мыстецкого барбакана» называли его «штабом арт-сопротивления» и готовы были по мере сил принимать участие в защите Майдана и свержении власти. Впрочем, обо всем этом речи пока не шло.

Большой, можно сказать, народный Майдан тоже жил полной жизнью.

Там тренировались «сотни самообороны», готовили еду и разливали чай, каждый час пели государственный гимн и каждый час молились за Украину. Налаживался быт и в захваченных зданиях мэрии и Дома профсоюзов.

Правда, иногда случались и не очень удачные с евроинтеграционной точки зрения инциденты: пойманым воришкам писали на лбу слово «ВОР» и таскали их за ноги по всему периметру площади. Пару раз ограбили и побили малолетних сборщиц денег на благотвори-

рительные нужды: майдановцы поспешили объяснить этот инцидент тем, что у девушек не было специальных документов, разрешающих сбор пожертвований.

Довольно часто Майдан посещали иностранные политики – депутаты Европарламента, представители посольств и даже заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд, раздававшая майдановцам печенье. Впоследствии «печеньки Нуланд» стали расхожим выражением противников Майдана. Мол, именно за печеньеки Нуланд продалась Украина.

Конечно, визиты на Майдан были в первую очередь символическими. На самом-то деле представители ЕС и США приезжали поторговаться с Януковичем неизвестно о чем и пригрозить ему персональными санкциями за возможный разгон Майдана.

Янукович, видимо, санкций боялся. Так что Майдан мог спокойно стоять аж до президентских выборов 2015 года.

Тем временем отношение киевлян к Майдану резко поляризовалось. Многие из тех, кто был настроен скептически, поменяли свое отношение к происходившему на площади Независимости. Они стали видеть в Майдане проявление истинной народной воли, а сменившие абстрактные евроинтеграционные лозунги требования отставки правительства и президента, безусловно, добавили майдановцам сторонников – каждый из них умудрился вспомнить свои обиды на преступный режим и старался помочь манифестантам, чем мог. Продуктами, медикаментами, собственно, стоянием на площади. Кто-то не ходил на Майдан, но пытался найти рациональные объяснения манифестантам: он потерял бизнес и теперь зол на режим; его уволили с работы, а Майдан – место, где завязываются новые связи; он – художник, а художнику нужны потрясения и т. д.

Другая часть жителей украинской столицы с каждым днем ненавидела Майдан все больше и больше. Она пугала эпидемиями из-за гигантской помойки в центре города, грядущим разгулом преступности – «когда-нибудь же их надоест кормить», будущим разрушением всех государственных институтов.

Однако и те и другие были уверены: просто так Майдан не разойдется. И если у сторонников «киевской Христиании» этот факт вызывал исключительно радость, то у противников «Чечни в центре столицы» – бешенство. Правда, у последних еще оставалась надежда на некий «тайный план Януковича»: мол, каким-то образом президент Украины решит вопрос с манифестантами. Или хотя бы как-то ловко их разгонит, пообещав что-то очень крутое западным эмиссарам.

Антимайдан и «титушки»

Но Виктор Янукович и его Партия регионов не спешили делать что-то особенное, а пошли по привычной схеме. Они устроили так называемый Антимайдан: привезли в столицу учителей, врачей, шахтеров из Донецкой и Луганской областей и поселили их в палатках в Мариинском парке. Участники Антимайдана, которые должны были демонстрировать поддержку населением власти президента Януковича, были для майдановцев и сочувствующих им тем самым «страшным чудовищным быдлом», от которого они хотели убежать в Европу.

В Киеве к представителям Донецкой и Луганской областей всегда относились без особого энтузиазма. Первая волна горячей ненависти к «донецким» и «луганским» захлестнула жителей столицы в 2004 году, после того как Виктор Янукович стал премьер-министром Украины, а затем принял участие в президентской избирательной кампании 2004 года в качестве преемника президента Леонида Кучмы.

Именно тогда в обществе появились и укрепились образы «донецкого бандита» и «донецкого быдла», неких кошмарно одетых, полумычащих людей с металлическими коронками вместо зубов. Так «донецких» и «луганских» показывали все демократические СМИ Украины. Иногда, правда, в потоке сообщений о юго-восточном быdle оказывались и тексты в духе «познакомилась с парнем из Донецка, вы представляете, он умеет читать» или «удивительно, но в Донецке тоже есть университет».

Когда кто-то в компании говорил: «Я родом из Донецка», повисала многозначительная пауза. После чего говоривший должен был рассмеяться и сказать что-то вроде «да-да, я такой».

И вот Партия регионов привезла в Киев своих сторонников из Донецка и Луганска. Надо ли говорить, как их показывали демократические СМИ и как их мгновенно возненавидели все майдановцы.

Моя знакомая журналистка, бегавшая на Майдан с первой минуты его существования, посетила Мариинский парк по редакционному заданию – собрать материал для статьи про обитателей тамошнего палаточного городка. «Вы представляете, они тоже люди! – захлебываясь от изумления, говорила она. – Просто простые люди!»

Однако среди майданофилов существовало убеждение еще и в том, что в Мариинском парке на самом деле живут не привезенные командно-административным способом врач-учителя-шахтеры, а специально нанятые спортсмены, так называемые «титушки», готовые в любое время разогнать Майдан по команде властей.

В общем, логика была такая: Янукович боится применять к майдановцам силу из-за возможных санкций Евросоюза и США, поэтому в Киев привезли переодетых спортсменов и бандитов. Если они пойдут в атаку на Майдан, Янукович сможет и убрать манифестантов из центра города, и сохранить лицо перед Западом: мол, это не я Майдан разогнал, а простой народ. Так что все должны стараться не поддаваться на провокации «титушек», а лучше отлавливать «титушек» и сдавать их в комендатуру Майдана, о которой ходили зловещие слухи.

Вообще поиск провокаторов и всяких разновидностей «титушек» был любимой забавой майдановцев еще с первых дней декабря (вспомним события на Банковой). Это была очень странная комедия переодеваний: в зависимости от успеха или неуспеха силовой акции ее участники объявлялись или «титушками»-провокаторами, или героями, пострадавшими в борьбе с режимом. Уже в апреле – марте 2014 года идея с переодеваниями достигла высшей точки своего развития, когда донецкие и луганские ополченцы были названы переодетыми российскими десантниками.

Впрочем, идея «переодеваний» имеет на Украине довольно долгую традицию: в начале 2000-х украинские историки обнаружили уникальный документ – дневник офицера НКВД. В этом дневнике подробно описывалось, как советские солдаты переодевались в форму бойцов Украинской Повстанческой армии и совершали убийства мирных жителей и прочие зверства, которые советская историческая наука (да и судопроизводство) приписывала воинам УПА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.